

УДК 821.161.1

Л. Н. Боженко, В. И. Горбачук

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

Статья посвящена сложному и многоаспектному понятию «героическое», которое, по нашему мнению, присутствует в повести Н. В. Гоголя «Вий», хотя данная точка зрения не является общепринятой. Для её доказательства исследовались место повести в цикле «Миргород» и языковые единицы текста, что позволило прийти к заключению: смерть главного героя – это не наказание за страх и грехи, а победа над вселенским злом и нравственное очищение на пути к себе – герою (И. Монахова).

История разных наук знает немало явлений, которые, заинтересовав мыслителей еще в глубокой древности, не нашли исчерпывающего объяснения и в наши дни. К ним относится и феномен героического. Героическое – сложная и широкая категория, которая имеет не только

эстетический смысл, но и нравственный характер. Поэтому вопрос о героическом как эстетической категории неотделим от вопроса о героизме – варианте человеческого поведения и отношения к миру. Таким образом, героическое имеет нравственно-эстетическую основу.

Однако проблема героизма как поведения, которое отличается от нормативного и проявляется в различных позитивных действиях и событиях, по-прежнему актуальна и в современной жизни, и в художественной литературе. Наше внимание привлекла статья Ирины Монаховой «Небесный полководец и земные воители», написанная к 160-летию со дня смерти Н. В. Гоголя и посвященная повести «Вий», одному из самых загадочных, как утверждает автор, произведений гениального писателя [1, 4]. В ней совершенно по-новому оценивается главный герой – Хома Брут, принципиально иначе прочитывается эта повесть и определяется её место в цикле повестей «Миргород». Ход рассуждения автора и приведённые им аргументы побудили нас обратиться к тексту повести, чтобы окончательно согласиться или не согласиться с её оценкой.

Как правило, героизм в нашем представлении – категория, отражающая стойкость, патриотизм, желание подвига. Но героическое может проявляться не только в ратных и трудовых подвигах, но и в победах над своими слабостями, что мы увидели в образе философа Хома Брута из повести «Вий». Доказательством этого может быть уже тот факт, что Гоголь расположил повесть «Вий» за повестью «Тарас Бульба» неслучайно.

А. И. Монахова определила эту повесть как «Тарас Бульба» в миниатюре и убедительно доказала это. Тема у них одна, пишет автор, – героическое в человеке. И сюжет, по существу, схож – путь человека к себе – истинному, к себе – герою. Но масштаб разный. Читая о героях «Тараса Бульбы», мы можем подумать: «Как они далеки от нас!» А читая о Хоме Бруте, мы видим, что этот персонаж – один из нас, он, в сущности, такой же, как мы [1, 4]. Попробуем это доказать.

Начнём с имени главного героя – Хома Брут. Имя Хома большинство исследователей объясняют одинаково: это просторечный вариант имени Фома, который был одним из учеников Христа и отличился тем, что высказал пожелание собственноручно прикоснуться к ранам Христа, чтобы убедиться в том, что Он воскрес. Потом, как и многие другие ученики Христа, апостол Фома стал святым мучеником – был казнен за проповедь христианства. Подобно своему небесному покровителю, Хома Брут, слушатель Киевской духовной семинарии, тоже попал в ситуацию особую, выделившую его из круга однокашников [2, 269]. Однако Ярослав Туров однозначно соотносит это имя с сущностью героя, не верующего в Бога: «Как и евангельский персонаж, философ Хома не верует в Спасителя, поэтому он, как и его предтеча, вполне заслуженно может быть назван Хомой (Фомой) неверующим» [3].

По поводу фамилии толкования единичны. Так, в своем исследовании «Символические образы повести Н. В. Гоголя «Вий» Ярослав Туров пишет: «Фамилию для своего героя Гоголь также подобрал вполне намеренно: Брут в Древнем Риме – глава заговора против Юлия Цезаря. По преданию, одним из первых он нанёс ему удар кинжалом. «И ты, Брут!» – изумился его предательству Цезарь. С тех пор имя Брут стало ассоциироваться с предательством. Есть ли что-нибудь общее у римского сенатора и гоголевского героя? Только то, что он (и в целом русский народ) совершил предательство по отношению к христианской вере, к Спасителю» [3]. Можно ли с этим согласиться? Отчасти. Да, в Хоме нет веры, хотя он учится в духовной семинарии, и этим он не отличается от своих дружков-семинаристов. Но Хома, в отличие от них, философ. Может, поэтому в имени героя сочетается низкое (Хома, а не Фома) и высокое (Брут).

Хома – уникальный по-своему тип среди гоголевских героев. Уникальный своей обыкновенностью. Даже происхождение его неизвестно: он сирота, не знающий и не помнящий своих родителей.

Обыкновенен этот человек во всем – в своих достоинствах и недостатках, слабостях, склонностях, прегрешениях. Гоголь пишет о нём не как о выделяющемся чем-то из толпы герое, а как об одном из многих – как о части однородной массы, то есть бурсаков. Обыкновенность Хома помогает читателям воспринимать всё, что с ним происходит, очень живо и непосредственно, как бы соотносить, идентифицировать себя с ним.

Стоически вынес Хома испытания, выпавшие на его долю. Не обольстился полётом над землей, позволившим видеть землю в необычном, сказочном, заманчивом виде. Не побоялся восстать против нечистой силы. Хотя о страхе как о причине смерти Хома в повести говорит Горобець, который мог знать о произошедшем только понаслышке, а не автор. Автор же пишет о последнем поступке Хома так: «*Не вытерпел он и глянул*». «*Не вытерпел*» и «*испугался*» – это не одно и то же.

В последний момент Хома по существу сделал самый важный в своей жизни выбор – осознанно или интуитивно: послушаться заботливого внутреннего голоса, которым, наверное, говорило чувство самосохранения, спрятаться от врагов и спасти себя или принять вызов и сразиться с нечистью, рискуя жизнью. Но Хома «*не вытерпел*». «*Не вытерпел*» спрятаться от своего злейшего врага и решил принять бой. Мог ли он в краткое мгновение прийти к этому решению осознанно? Вряд ли – не было времени для обдумывания. Скорее всего, утверждает И. Монахова, это было невольное, интуитивное решение – по велению самой природы этого человека – философа Хома, который говорил о себе: «*Да и что я за козак, когда бы устрашился*».

Обыкновенный парень Хома, имеющий, бесспорно, свои недостатки и слабости, в самый страшный момент как бы переродился. В нём вдруг «проснулся» на мгновение «православный рыцарь» наподобие Тараса Бульбы и его товарищей. Хома в конце концов воспринял нечистую силу в своей судьбе не как природное стихийное бедствие, от которого нужно спрятаться, чтобы выжить, а как врагов, с которыми нужно сражаться, несмотря на неравные силы.

Таким образом, Хома Брут в этом отношении очень близкий Гоголю герой, выразивший своей трагической судьбой заветные идеи самого Гоголя: в последний момент он вспомнил всем своим существом о чём-то самом важном, что важнее многих сиюминутных обстоятельств, и это вдруг придало смысл всей его жизни.

Твёрдость веры, доверие к Богу – это было для самого Гоголя, наверное, основой его жизни и его мировоззрения. Всю жизнь (судя по его произведениям и письмам) очень дорога ему была мысль о том, что вера в Бога дает и твёрдость в жизненных испытаниях.

Однако глубина веры в Бога состоит не в том, чтобы бежать от обстоятельств, им данных, а в том, чтобы увидеть в них глубокий смысл и употребить их к лучшему, с точки зрения исполнения своего долга перед Богом и людьми, и в этих обстоятельствах сделать правильный (с этой же точки зрения) выбор. Получается, что Хома, смутившись и испугавшись, сначала сделал выбор неправильный, дав возможность уцепиться за свое малодушие нечистой силе и увести его по опасной дороге. Но в конце повести, когда у него снова появился выбор, но уже другой и совсем в других обстоятельствах – спрятаться от тёмных сил или вступить с ними в борьбу, он все-таки сделал правильный выбор.

Поскольку Хома был философ, ему свойственны были глубокие внутренние переживания образного характера, которые меняют его натуру. В тексте есть доказательства изменяющегося мира Хома. Вспомним его полёт. Он был обольщён величием природы. Не это ли обольщение красотой волшебного мира и самой панночки-ведьмы (как его части) мешало другим её жертвам противостоять ей, а значит, противостоять и вообще нечистой силе и ее влиянию на человека? Ведь у Хома было много предшественников. И никто из них с ведьмой не только не сражался, но и возразить не посмел.

В сложном сочетании ощущений летящего Хома, наверное, главным было восхищение и обольщение красотой как всего волшебного мира, так и потом – панночки. Впечатления Хома от открывшейся ему небывалой красоты менялись от *«бесовски-сладкого чувства»* во время полета до робости после превращения старухи в красавицу (*«Затрепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им; он пустился бежать во весь дух»*) и смеси восхищения и ужаса от созерцания идеальной красоты

умершей панночки, лежащей в гробу: «Он подошел ко гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз:

Такая страшная, сверкающая красота!» [4, 173].

Именно мистическому страху Гоголь придавал важное значение в познании. Испытанный философом страх, религиозный и эстетический «пиитический ужас», раскрывает глубину и красоту мира. Страх способствует проникновению в суть тайн бытия и инобытия. Страх помогает Хоме постичь мир на протяжении всего его трагического и дерзновенного жизненного пути. Страхом объясняет павший на Хому выбор ведьмы Е. С. Ефремова в своей статье «Страх и дерзновение Хома Брута» [5].

Что же такое Вий, подлинно великий, «колоссальный» Вий? В чем проявляется он? Вспомним Кьеркегора, сказавшего: «Ничто страха... является комплексом предчувствий, к которым индивидуум подходит все ближе и ближе». Цит по: [4, 43]. Повесть Гоголя вся пронизана этими предчувствиями – предчувствиями Вия. Намёками он прошёл по всей повести, по всей судьбе Хома. Вий – тайна рока, ежечасно проявляющая себя в обыденном, Вий – «похоронная песнь», прозвучавшая в час веселья напоминанием о смерти, и «слабое стенание, похожее на волчий вой», время от времени доносящееся неведомо откуда и вызывающее у Хома безотчетную тревогу, Вий – «безотчетные чувства» и «темные предчувствия», которые вызваны всем страшным, прекрасным, уродливым, великим, что встречает Хома в жизни: щемящей красотой покойной панночки, уродством демонов и чудовищ, ищущих Хому в церкви. И красавица, и позеленевший труп предвещают нечто более страшное и великое – они предвещают Вия.

Страх – начало мысли, философии, религии. Хоме Бруту как философу, считает Е. С. Ефремова, дано испытать страх.

Бесстрашный казак и страшящийся философ борются в Хоме Бруте, и именно страшящемуся, по мысли Гоголя, доступно высшее, именно страшящийся способен проникнуть в тайну бытия и слиться с ней в религиозном и эстетическом порыве. Страх превращает обывателя и атеиста (обратим внимание, пишет Е. С. Ефремова, на символическое значение имени героя – Фома неверующий) в поэта, восхищённого красотой мира, в мистика, наслаждающегося общением с иными мирами, и в философа, познающего суть бытия, чистое бытие, Ничто [5, 47]. Гоголь открыл, что стремится к страшному не бесстрашный, а научившийся страшиться, то есть философ. Лишь научившемуся страшиться открываются страшные тайны инобытия, лишь научившийся страшиться способен познать всё мучительно неразгаданное, всё таинственное и великое, что предвещает Вия.

Философ Хома Брут видит и всё устрашающее уродство, и всю ослепительную красоту Хаоса. Зная, сколь несоразмерны человеческие

возможности с его величием и безмерностью, он так же, как философ, стремится к страшному; так красота покойницы-ведьмы поражает его «паническим ужасом» и одновременно притягивает: «...он не утерпел, уходя, взглянуть на неё и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз» [4, 167]. (Подчёркнуто нами. – Л.Б., В.Г.)

Вий столь притягателен, что жажда его созерцания преодолевает страх смерти, философ «не вытерпел» не взглянуть на него. Но одновременно этот взгляд в глаза Вию – утверждение собственной силы, восстание гордого человека. Вию дано уничтожить Хому. Хоме Бруту дано пойти навстречу уничтожению, принять вызов всеильного врага, взглянуть ему в глаза. Знаменательно, что гибнет философ Хома не от взгляда Вия, а от собственного взгляда на него. Смертельный взгляд в глаза Вию – это взгляд философа, сознающего всё величие смерти и запредельного мира, но дерзающего принять его вызов, помериться силами. Именно этот взгляд в глаза Вия – высшая точка повествования.

Если в контексте обыденности определение Хома Брута как философа звучит иронично, почти пародийно (ср. строки из повести: «философия с черными усами», «философия, почесывая бока...», «профессор отделявал деревянными лопатками по рукам философию»), то здесь, в церкви, ночью, на арене, где высшая и страшная сила сталкивается с дерзостью проникновения в неё человека, он – философ в самом высоком смысле. «И философ остался один... «Приведите Вия! ступайте за Виём!» – раздались слова мертвеца. И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучащие по церкви... «Подымите мне веки: не вижу!» – сказал подземным голосом Вий, – и всё сонмище кинулось подымать ему веки. «Не гляди!» – шепнул какой-то внутренний голос философу. *Не вытерпел он и глянул*». В этой трагической и страшной сцене философ подлинно велик. Влечение к тайне оказалось сильнее страха смерти.

Ключевое предложение «*Не вытерпел он и глянул*» с первым глаголом «не вытерпел» говорит о том, что стремление взглянуть на Вия у Хома было вполне подготовленным. По крайней мере, в заключительной части текста, где описывается приход Вия, об этом, на наш взгляд, говорят следующие слова. Несмотря на страх, одолевший Хому, он не лишился рассудка, и слышал, и видел, и даже чувствовал, что вокруг него происходило:

У Хома вышел из головы последний остаток хмеля. Он только крестился да читал как попало молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг него, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. <...>

*И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; **взглянув** **искоса**, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапного человека. <...> **С ужасом заметил** Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и **прямо поставили к тому месту, где стоял Хома**[4, 182–183].*

В приведённом отрывке ключевыми являются глаголы зрительного восприятия, которые соотносятся между собой следующим образом: **разглядеть**, т.е. увидеть целиком, в деталях окружившую его нечисть Хома не имел духу, т.е. не осмелился, но **видел только** какое-то огромное чудовище... Услышав шаги движущегося Вия, он не лишился чувств (а мог бы!) и не замер от ужаса, закрыв глаза, а **взглянул искоса** (т. е. посмотрел не прямо, а боковым зрением) и **заметил**, потому что взгляд был хоть и одномоментный, о чём свидетельствует суффикс **-ну-**, но вполне осознанный. И когда Вий оказался **перед** Хомой, его «*терпению пришел конец, и он глянул*».

Другими словами, мы считаем, что к своему последнему роковому шагу Хома шёл не интуитивно, невольно, как утверждает И. Монахова, а сознательно, движимый любопытством философа открыть для себя самую главную тайну, не думая о цене.

Итак, наше обращение к повести Н. В. Гоголя «Вий» было обусловлено стремлением увидеть героическое там, где его, по общепринятым понятиям, быть не может. Отсюда и новая оценка самого обычного греховного бурсака Хомы Брута как истинного философа, который дерзнул глянуть в лицо вселенскому злу ценой своей жизни. Причём сделал он это, по нашему мнению, которое в данном случае не совпадает с мнением Ирины Монаховой, *сознательно, подготовившись* к этому последнему и решительному шагу, что подтверждено словами «не вытерпел», употреблёнными писателем в заключительной картине.

Этот взгляд в глаза Вию – утверждение собственной силы, восстание гордого одинокого человека. Смертельный взгляд в глаза Вию – это взгляд философа, сознающего всё величие смерти и запредельного мира, но дерзающего принять его вызов, помериться силами. Это подвиг познания сути мира, его самой страшной тёмной стороны.

Таким образом, в этой самой удивительной повести главное – не фантастическое, а героическое.

Литература

1. Монахова, И. Небесный полководец и земные воители / И. Монахова // «Литературная газета». – 2012. – № 8. – С. 4.
2. Монахова, И. Страхи и ужасы. О повести Н. Гоголя «Вий» / И. Монахова // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 269–304.
3. Туров, Ярослав. Символические образы повести Н. В. Гоголя «Вий» / Я. Туров // – proza.ru /2011/05/04/23. – Дата доступа – 6.03.2013.
4. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Н. В. Гоголь. – Минск: Народная асвета, 1980. – 351 с.
5. Ефимова, Е. С. Страх и дерзновение Хомы Брута / Е. С. Ефимова // Русский язык в школе. – 1994. – № 1. – С. 40–47.